

* * *

— Что-то не так.

— Всё под контролем.

— Нет, что-то не так. Трансляция сбоят.

— Заткнись и займись делом. Проверь датчики и клеммы.

Голоса сталкиваются, мечутся по комнате, вонзаясь в висок, как стальная игла. Хочется отмахнуться, как от назойливой мухи, но рука превратилась в обломок скалы. Не чувствую ничего, кроме прохладной и твердой поверхности кушетки. И легкого щекочущего холодка где-то на затылке. Сердце сонно гонит кровь по венам — кажется, от одного удара до другого проходит целая вечность. В ушах нашептывает нездешнее море.

— Давление и пульс нестабильны.

Слепяще яркий свет пробивается даже сквозь сомкнутые веки. Хочется открыть глаза или, наоборот, зажмуриться сильнее, пока не поплывут красные круги, но сил не хватает даже на это. Тревожный запах стерильной чистоты. Так пахнет только в клиниках.

— Он что, в сознании?! Эй, парень!

— Ты сбрендил? Обычный поток сознания. Следи, чтобы шла фиксация.

Как я здесь оказался? Кто эти люди? Вчера... Что же было вчера? Не помню... Как же так? Совсем не помню.

Зато зачем-то вспомнилось, как в детстве учился кататься на велосипеде. После дождя, который прошел накануне, в саду было сыро и ветрено. Кто-то из взрослых — не помню кто, но точно не отец — придерживал сиденье. Переднее колесо виляло, и велосипед сильно наклонялся то вправо, то влево. Я уже сбил колени, но не сдавался из-за сердитого упрямства. Так хотелось вырваться из-под опеки, разогнаться до свиста ветра в ушах. Крикнуть: «Смотри, я сам!» Я закусил губу и поднажал. Дорожка пошла под уклон, велосипед мелко задрожал, будто вот-вот развалится на части. Я одеревенел. И через мгновение свалился в кусты акации, оцетинившиеся голыми ветками. Когда открыл глаза, увидел пролетающий в пронзительно синем небе птичий клин... Кстати, интересно: если птице вживить разум человека, она сможет решать математические задачки, но уже вряд ли проложит путь из Африки к местам гнездовья без навигатора. Да и вообще не встанет на крыло. Чтобы взлететь, надо верить, что тебе это по силам, что воздух удержит и ты не рухнешь камнем вниз...

— Что он плетет?

Мысли путаются. Наверное, мне вкачали слишком маленькую дозу наркоза, и я проснулся посреди операции. Значит, я умру от болевого шока...

— Сколько ты вколол?

— По инструкции.

Как они слышат мои мысли? Или я разговариваю вслух? Почему я не слышу звука собственного голоса? Мозг превратился в подрагивающий студень. Хотя это, кажется, как раз в рамках нормы... Интересно, а если сделать наоборот: и птичий разум вживить в тело человека,

преодолеет ли этот человек земное притяжение одной лишь силой мысли? Будет ли подпрыгивать на земле, нелепо размахивая руками, или поднимется на крышу самого высокого небоскреба в городе, чтобы поймать попутный ветер?..

Ну что за бред! Похоже, дела мои совсем плохи...

Где-то хлопают двери, слышны звуки быстро приближающихся шагов и взволнованные голоса.

Небо — далеко. И я — не птица. Или?.. В глазах медленно темнеет, как в старом фильме. Только где-то по краям, на периферии, пылают огненные дуги.

— Остановка сердца.

1 часть

ЛУКА

Когда пешка доходит до восьмого квадрата, игрок имеет право выбрать фигуру независимо от того, была ли эта фигура ранее утрачена в игре или нет, и тогда пешка станет этой фигурой со всеми ее свойствами или — решением игрока — останется пешкой.

*Вильгельм Стейниц.
Введение в современные шахматы*

Глава I

— Эй, Снежинка!

Один из каменщиков, сгребаящих лопатами бетонное крошево, устало распрямился. С расстояния в двадцать шагов подросток в заскорузлой от стылой февральской сырости робе казался нахохлившейся болотной птицей. С мрачной радостью Хьюго заметил, что после вчерашней драки кровоподтек под левым глазом Луки налился сизой спелостью. Впрочем, и для самого Хьюго потасовка прошла не без потерь — рассеченная губа распухла, отчего он теперь пришепывал еще заметнее, чем обычно. Ну да ничего, сейчас крысёныш получит сполна, мысленно усмехнулся он.

Месяц назад Шлак сделал Хьюго подрывником, и в бригаде втайне выдохнули, надеясь, что это положит конец издевательствам и побоям. Не тут-то было. Хьюго не собирался отказываться от лишней пайки и удовольствия поиздеваться над грязными оборванцами. А уж изобретательности ему было не занимать. Одна беда — белобрысый выродок, который напросился на тяжелую и плохо оплачиваемую работу — разбор завалов после взрывов — начал в последнее время скалить зубы. То и дело встревал, когда Хьюго после смены собирал с тощих мальчишек обычную дань. Вот и вчера, когда он планировал хорошенько прижучить косоглазого задохлика, который заныкал талоны и божился, что

где-то обронил их, этот невесть откуда взявшийся Робин Гуд перехватил его руку, уже занесенную для удара. Завязалась потасовка. Хьюго всегда был крайне осмотрителен в выборе противника, он рассчитывал уложить Луку одним верным ударом. Но его ожидал неприятный сюрприз — парень оказался жилистым и вертким. Так что — и при одной мысли об этом у Хьюго сводило челюсть, как от зубной боли — если бы подручные Шлака не подошли вовремя и не разняли сцепившихся мальчишек, еще неизвестно, кто из них одержал бы верх. Наглеца следовало проучить, и без промедления.

Вчера, когда в груди еще жгла и полыхала бессильная ярость, Хьюго придумал план мести: подловить удачный момент и столкнуть его вниз. Несчастные случаи на демонстрационной площадке происходят чуть ли не каждый день, кто станет пересчитывать беспризорных пацанят. Но уязвленное самолюбие Хьюго, которое до сих пор желчью плескалось у самого горла, требовало красивой мести. Сделать его посмешищем, жалким и ничтожным. Выставить полным кретином. Втоптать в пыль. На глазах у всех. Хьюго достал из кармана сверток, обернутый в промасленную бумагу и перетянутый клейкой лентой крест-накрест, и помахал им.

— Взрывчатка, — выдохнул за спиной у Луки Флик.

Хьюго ухмыльнулся, заметив, как вытянулось от страха лицо арабского заморыша, который вечно ошивался где-то поблизости от Луки. Достав из кармана зажигалку, Хьюго запалил короткий обрывок фитиля. И, замахнувшись, швырнул взрывчатку.

Потом, когда течение времени вернулось к обычному темпу, Лука вряд ли сумел бы внятно объяснить,

зачем бросился ловить летящую связку динамита, а не рухнул в бетонное крошево, обхватив голову руками, как это сделали все вокруг. Он вовсе не был героем. Шашка летела по высокой дуге мучительно медленно, как павлин-альбинос, рассыпая искры и оставляя тающий дымный след. Зоркими, чужими глазами Лука наблюдал за происходящим, как будто проматывал в замедленном режиме запись, сведенную сразу с десятка камер. Он видел Хьюго, еще не распрямившегося от броска, с перекошенным от злобы лицом. Видел Флика, вцепившегося в его, Луки, правый рукав: в широко распахнутых глазах друга плескался неподдельный ужас. Чувствовал скрещение еще десятков чужих взглядов, видел раскрытые в безмолвном крике рты. Спустя, казалось, целую вечность взрывчатка приземлилась прямехонько в его раскрытые ладони. Не сводя взгляда с крошечного быстрого огонька, Лука резким рывком отшвырнул Флика и рухнул, накрыв шашку своим телом. Сердце гулко ухнуло и замерло.

Лука успел досчитать до десяти, а взрыва все не было. Приоткрыв правый глаз, он увидел Хьюго, который, согнувшись, заходился в беззвучном смехе.

— Смени штаны, Снежинка! Я смеюсь сам-смерть! — верещал он.

Лука медленно поднялся, стряхивая с робы серую пыль. Отшвырнул связку фальшивого динамита. На бледном, покрытом веснушками лице проступили красные пятна.

«Резкий скачок адреналина в крови. Источник опасности не обнаружен. Осуществить связь со службой экстренной помощи?» — прозвучал в голове бесстрастный

голос Эфора¹, который незримо присматривал за каждым в Ганзе.

«Запоздал ты что-то, приятель. Отмена».

Лука с трудом сдерживал злость: вот придурок, купился на дурацкий розыгрыш. Хьюго, конечно, отмороженный на всю голову, но все же не свихнувшийся птичий профессор. Будь взрывчатка настоящей, ударной волной разнесло бы весь этаж, и он сам оказался бы в эпицентре взрыва.

— Что тут, черт подери, происходит?!

Услышав властный окрик бригадира подрывников, Лука быстро опустил взгляд. Не хватало еще, чтобы Шлак вышвырнул его с площадки. О бригадире ходили легенды. Перешептывались, что во время войны он был подрывником и чудом выжил в пылающем аду, когда его отряд окружили, — единственный из всего взвода. Все его тело было изрешечено пулями, пробит позвоночник — если бы не экзоскелет, он вряд ли бы смог сделать хоть шаг. Лицо стягивали уродливые шрамы от ожогов, а вместо левого глаза была стальная пластина. Это, впрочем, совершенно не мешало ему видеть то, что обычно ускользало от взгляда начальства.

— Отвечай, Хьюго.

— Непорядок, бригадир, — непривычно высоким голосом проблеял Хьюго. — Каменщики бросай-дело, шепотки-пускай. Ленивые крысы! Я иди-мимо и скажи: «Время-нет перерыв, солнце — высоко».

— Ясно. Дай мне это.

¹ Эфор — искусственный интеллект, следящий за общественным порядком

— Что, бригадир?

Правая бровь Шлака едва заметно приподнялась.

— А-а, это? — Хьюго, метнувшись, как подстреленный, поднял запыленный брусок и поднес Шлаку. В руках бригадира муляж внезапно завибрировал и с шипением развалился надвое, испустив жалкий фонтанчик разноцветного конфетти.

— Шутка, — пролепетал Хьюго, в лице которого не осталось ни кровинки.

Шлак с каменным лицом стряхнул с затертой штормовки рассыпавшиеся блески.

— Обхохочешься. Отойдем-ка на пару слов, парень.

Провожая взглядом ссутулившегося, зачоченевшего от ужаса Хьюго, Лука почти готов был посочувствовать недругу, которого еще пять минут назад рвался измочалить.

— За работу! Живо! — гаркнул кто-то из старших. И все как будто только и ждали команды — засуетились, схватились за лопаты, молоты, кирки, тачки, и уже через пару минут на демонстрационной площадке закипела привычная муравьиная возня. Вчера подрывники обрушили перекрытия восемьдесят седьмого этажа высотки, где когда-то, как гласила выцветшая вывеска, располагалась штаб-квартира NDR Media. Пыль уже осела, и каменщикам предстояло разобрать завалы, сгрузить бетонные обломки в тачки и отвезти к транспортной ленте, которая спускалась до самой земли, где на погрузке уже ждали гигантские самосвалы.

Это в прежние времена люди строили. Небоскребы, дороги, мосты. Рыли подземные туннели, прокладывали рельсы, скрепляя мир стальными обручами. Только

ничего путного все равно не вышло — старый мир взорвался, распался на лоскуты. Сегодня каждый был сам за себя. Уцелевшие города, как средневековые княжества, устанавливают собственные законы и порядки, стараясь защитить земли от вторжения чужаков. Крепостные стены ограждают и от банд вооруженных головорезов, и от нескончаемой вереницы голодных попрошайек, которые шатаются по дорогам, пробавляясь мелкими кражами и разнося смертельные вирусы.

Чтобы строить стену, нужны сталь, раствор и камни. Магистрат Гамбурга по примеру других городов Ганзейского союза издал постановление о демонтаже строений выше семи этажей. Обломки стен и перекрытий небоскребов можно снова превратить в стройматериал. Рекрутер магистрата, который вышел к толпе отчаявшихся безработных, сперва засомневался на счет белоголового долговязого пацаненка — сдвинет ли тот с места нагруженную щебнем тачку, но потом устало махнул рукой: может, хоть откормится на талонах.

В первый раз поднявшись на сотый этаж, Лука онемел, когда увидел раскинувшийся у ног Гамбург — суровый, краснокирпичный, с готическим пиком Михеля, который оберегает город с незапамятных времен, и выпуклой изумрудной каплей озера Альстер. В сити еще сохранилась пара десятков серых небоскребов, похожих на сторожевые башни. Иногда в небе над городом поблескивали серебристые капсулы аэротакси. На южной окраине белели особняки богатых кварталов, утопающие в зелени. А с северо-востока, как темная раковая опухоль, расплозилось гетто — район где тесснилась беднота. Если постараться, можно различить в кривом лабиринте улиц

муниципальный дом, где была крошечная квартирка, в которой жили они с Йоаной.

Лука отвернулся и бросил взгляд на запад — там, за смутной линией горизонта, серая лента реки впадает в Северное море, а в гудящем суетой порту теснятся огромные корабли, баржи и сухогрузы. С бешено колотящимся сердцем, задыхаясь от порывов ветра, Лука на краткий миг представил, что стоит на капитанском мостике трансатлантического лайнера, пересекающего безбрежную гладь моря. И тут же осекся: размечтался, как сопливый мальчишка.

Бригада, быстро позабыв о происшествии со взрывчаткой, вернулась к разбору обломков бетонных стен. Странно было представить, что еще каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет назад в этом небоскребе располагались фешенебельные апартаменты и офисы. Целая армия клерков в строгих костюмах, как у работников похоронной конторы, и с таким же застывшим выражением сдержанного прискорбия на лице, склонив головы, сухо выстукивает пальцами по клавиатуре лэптопов. Сейчас в выбитые окна свистел ветер, но воздух все равно был затхлый, неживой. Пахло слежавшейся пылью, отсыревшей ветошью и птичьим пометом. По углам намело груды хлама: побуревшие от времени обрывки бумаги, осколки стекла, ржавые трубы. Все, что было ценного, давно растащили: даже электрические кабели, утопленные в стенах, вырваны. Обычно к приходу сломщиков даже крыс в здании уже не остается, разве что иногда хрустнет под ногой истлевшая тушка, похожая на старую подошву.

Подрывники, разумеется, мнят себя важными «шишками»: именно они первыми осматривают пло-